

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНОГО ПУТИ

В Отделе рукописей РГБ хранится черновой автограф статьи А. Белого «Вячеслав Иванов»¹. Это разрозненные листы рукописи, которая частично совпадает со статьей, опубликованной в издании Венгерова². Внимательное изучение сохранившихся черновых материалов позволит нам реконструировать первоначальный замысел работы о личности и творчестве Вячеслава Иванова.

Над статьей «Вячеслав Иванов» Белый работал в ноябре-декабре 1917 года в исключительно сложных условиях периода послереволюционной разрухи, кроме того, он был издерган разрывом с любимой женой и все еще надеялся вернуться в Дорнах. Эта работа отразилась в его письмах к Венгерovu конца 1917 — начала 1918 года³:

«...приходилось много работать над Вячеславом Ивановым, всего его внимательно прочитать от доски до доски; пришлось проделать над ним разные опыты, кроме того: связать узел его идей (довольно противоречивых) с узлом его стихотворных переживаний; на это ушло не менее 3-х недель; теперь мне удалось, думается, связать в нем “поэта”, “философа” и “филолога”; но работать над ним в эти чреватые событиями дни при моем нервном утомлении было очень трудно...»⁴.

Действительно, статья для венгеровского издания получилась разнородной: с одной стороны, творчество Вячеслава Иванова совершенно определенно проецируется Белым на антропософские представления о мире и человеке, а с другой — в академической по сути работе он не мог раскрыть ту традицию духовного посвящения, которая была им почерпнута у Штайнера. Это противоречие явственно просматривается в подготовительных материалах к статье. Однако при явной перегруженности антропософским мировидением и попытками объять и поэтическое, и критическое творчество Иванова, и его работы по ан-

¹ ОР РГБ. Ф. 25. А. Белый. К. 3. Ед. хр. 13.

² Русская литература XX века. 1890–1910. М., 1916. Т. 3. Кн. 8. С. 114–149 (8-я книга была издана в 1918 г.).

³ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 54–56. — Еще одно письмо Белого к Венгерovu от конца ноября 1917 г., в котором сообщается о работе над статьей, приводится целиком в кн.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 144.

⁴ Там же.

тичной проблематике, тон статьи скорее дружественный, нежели резко отрицательный; можно было бы напомнить высказывание Иванова-Разумника, которому первоначально Венгеров заказал работу о Вячеславе Иванове: «Счастье его, что статья моя не окончена: там про него много жесткой правды»⁵.

Вероятно, взгляды Иванова-Разумника и Белого на личность и творчество Иванова во многом совпадали, например в письме к Белому от февраля 1917 года Разумник писал: «И какую личину надеть на себя хитро-мудрому Вячеславу Иванову?!»⁶ (речь идет о февральской революции) — ср. ниже в черновиках статьи Белого: «Вячеслав Иванов трагичен и искренен в своей хитрой двуличности <...> его личина ликует: “Мир — полн” (всходит Солнце) (33); его лик непосредственно, тут же грустит: “Тянусь я из дозора мертвой светлости моей” (34)»⁷.

Замыслы Иванова-Разумника, по всей видимости, обсуждались с Белым в то время, когда он, приезжая в Петербург в 1917–1918 годах, гостил в Царском Селе. У Иванова-Разумника был замысел книги «Критическая история современной литературы»: «Согласно предварительному плану этой книги (1916), 4-я глава 2-й части ее, названная “Вершины символизма и нового времени”, должна была быть посвящена творчеству <...> Блока, Вяч. Иванова, Белого»⁸. Однако статья о творчестве Вяч. Иванова не вошла в окончательный вариант книги. Вместе с тем именно Белый считал лучшими поэтами современности себя, Блока и Иванова, о чем свидетельствует предложенный им для «Трудов и дней» раздел: совместный «Дневник» трех писателей. Предварительное ознакомление с представленными ниже отрывками из черновых материалов к статье Белого «Вячеслав Иванов» позволяют предположить, что его книга воспоминаний «О Блоке», вероятно, выросла из первоначального замысла повествования о пути трех поэтов. Однако по причинам, скорее всего, личного расхождения с Ивановым — представление о духовных путях эволюции личности у них было различным, — Белый отказался от такого замысла.

К сожалению, прямых свидетельств о контактах Белого и Иванова в период 1917–1918 годов немного⁹. Но, вероятно, они все же общались, хотя и не так дружелюбно, как в «башенные» времена. Их расхождение началось еще в 1912 году, когда Белый становится не только активным слушателем лекций Штайнера, но и входит в число его ближайших учеников. В Мюнхене с 25 по 31 августа 1912 года Рудольф Штайнер прочитал восемь лекций на тему «О посвящении». Вероятно, на курсе этих лекций Белый встретился с Маргаритой Сабашниковой и с оказией передал записку Иванову:

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 13. Л. 11 об. — Нельзя не заметить, что такое произвольное распределение цитат, взятых из поэтического наследия Иванова, по оси лик — личина, конечно же, является полемическим осмыслением названия статьи «Лик и личины России», а кроме того, восходит к периоду полемики между Вяч. Ивановым и Белым на страницах журнала «Весы».

⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 8.

⁹ Достаточно подробное освещение общественной культурной деятельности Белого и Иванова в 1918–1920 гг. можно почерпнуть из справочного изд.: Литературная жизнь России 1920-х гг.: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М., 2005.

«Дорогой Вячеслав!

Пользуясь присутствием Маргариты Андреевны в Мюнхене, я хочу передать Тебе свою любовь и чувство глубокой преданности. Сказать Тебе хочется столько, но, увы, письмам не верю, и оттого прими лишь мою любовь и чувство близости и связи.

Христос с Тобой.

От Аси привет и дружба. Борис Бугаев.

Вере Константиновне и всем Вашим привет; хотел бы видеть Вашего ребенка; поцелуй его за меня. Еще раз Христос с Вами»¹⁰.

В сентябре 1912 года Белый с Асей Тургеневой находились в Базеле и, услышав, что Иванов проживает в Лозанне, пригласили его погостить:

«...однажды мы получаем известие: от Вячеслава Иванова; и узнаем: во французской Швейцарии он; слышал — стал теософом я; и хотел бы увидеть; писал, что приехал бы нас навестить: стало радостно; звали его; дня через три он приехал; остановился в отеле, где жили мы; с ним провели два-три дня. Пересказывал я Иванову многое из пережитий последнего времени; первый из не теософов — отнесся внимательно он к моему обращению в штайнерианство...»¹¹.

Всего сохранилось несколько писем конца 1912 — начала 1913 года, в которых можно проследить причину дальнейшего расхождения путей двух поэтов. Иванов, по воспоминаниям Аси Тургеневой, хотел быть слушателем интимных лекций Штайнера для узкого антропософского круга: «Он хотел вступить в общество и просил устроить ему свидание со Штайнером, но Штайнер поручил нам отсоветовать Иванову это намерение»¹², тогда как воспоминания Белого сохранили просьбу Иванова воспользоваться печатным курсом лекций Штайнера: «Иванов просил разрешения от Штайнера: получить цикл лекций, печатаемый лишь для членов (впоследствии Штайнер не дал разрешения, сказав: “Я не думаю, чтоб господину Иванову были полезны теперь мои курсы)”»¹³.

В октябре 1912 года Иванов напоминал Белому о своей просьбе:

«Ты, по-видимому, не нашел случая спросить доктора, разрешает ли он мне прочтение его литографированных последних курсов. Если же спросишь, — позволь мне настаивать на своей просьбе и надеяться, что спросишь его в Берлине. Если же он отказал, мне нужно знать в точности как, и что именно было им сказано. Твое

¹⁰ РГБ Ф. 25. К. 30. Ед. хр. 5. Л. 59. — Сын Вячеслава Иванова и Веры Шварсалон Дмитрий родился 17 июля 1912 г. в городе Невеселль, неподалеку от города Эвиан (Франция).

¹¹ Белый А. Из воспоминаний. «Начало века» («берлинская» редакция) / Публ. и коммент. М. Л. Спивак. М., 2000. С. 657; Рудольф Штайнер и Гёте в мировоззрении современности. Воспоминания о Штайнере. М., 2000. С. 657.

¹² Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штайнер // Воспоминания о серебряном веке / Сост. В. Крейд. М., 1993. С. 212.

¹³ Там же. С. 658.

С. Залцупин. Портрет А. Белого. 1922.

молчание по этому *важному* для меня предмету мне тягостно. Я бы надеялся при этом на откровенность»¹⁴.

На Белого была возложена нелегкая миссия посредника; попав под сильное влияние Штайнера, он вынужден был объясняться с Вячеславом Ивановым. Однако Белому долгое время никак не удавалось побеседовать со Штайнером и передать ему просьбу своего друга:

«Прежде всего: по вопросу о циклах. Я должен пред Тобой покаяться; вот что произошло. Разговор о циклах должен был быть во время свидания с Доктором, который нас принял в конце базельского цикла: на приеме был хвост народу. И приняв, Доктор тотчас же стал говорить о наших схемах и чертежах, так что я все ждал время заговорить; Доктор на этот раз был столь активен, что вместо того, чтобы слушать, как он делает (обычно. — Е. Г.), все сам спрашивал: “Это что? Это что?” — на рисунки и чертежи. Асе и мне пришлось как бы сдавать экзамен профессору: так прошло 1½ часа и тут Доктор опять-таки <?> прикончил наше свидание (через 2 часа начиналась лекция, а его еще ждал хвост просителей). На последней лекции я его поймал и передал ему, что Ты просил меня передать, он очень по-хорошему улыбался и просил Тебе передать привет, но едва я хотел заикнуться о циклах, как его отозвали.

Я страшно досадовал»¹⁵.

Ася Тургенева приводила резкое высказывание Штайнера об оккультных способностях Вячеслава Иванова, однако об истинных причинах отказа остается только догадываться:

«Может быть, господин Иванов большой поэт, — сказал он, — но к оккультизму у него нет ни малейших способностей; это повредило бы ему и нам. Я не хочу с ним встречаться, постарайтесь его отговорить»¹⁶.

Мне уже приходилось высказывать мнение¹⁷ о том, что вполне возможно, А. Р. Минцлова и Р. Штайнер входили в один из модернизированных западно-европейских орденов тамплиеров, — тому есть косвенные свидетельства, но доказать это достаточно сложно ввиду отсутствия документальных свиде-

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 29. Л. 21–22 об.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 25. К. 30. Ед. хр. 5. — Письмо предположительно датируется по прилагаемому конверту со штемпелем 19 ноября 1912 г. — Часть этого письма цитировал Ж. Нива: *Nivat G. Prospero et Ariel: Esquisse des rapports d'Andrej Belyj et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du Monde russe et sovietique. Janv.–mars 1984. P. 30–31.*

¹⁶ Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума / Публ., вступ. ст. Н. К. Банецкой. М., 2002.

¹⁷ См.: Глухова Е. В. Посвятительный миф в биографии и творчестве Андрея Белого. Гл. 3: Розенкрейцская мифологема в символистской среде: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. — Этого мнения придерживается и Мария Карлсон: *Carlson M. Ivanov — Bely — Minclova: the mystical triangle // Cultura e memoria. Firenze, 1988. Vol. 1.*

тельств. Штайнер от ближайшего окружения Вячеслава Иванова, в том числе и от Белого и Эллиса, был наслышан о том, что Минцлова брала на себя роль духовного учителя¹⁸. Возможно, Штайнер предполагал, что Минцлова могла раскрыть Иванову эзотерическое основание его антропософской концепции, которая, в свою очередь, восходила не только к теософии Е. П. Блаватской, но представляла собой популяризованное изложение оккультных основ мистического ордена (либо розенкрейцеров, либо тамплиеров).

Иванов был чрезвычайно обижен отказом Штайнера принять его в круг своих учеников — это отразилось в его резком письме к Метнеру, в котором он сообщал о своем выходе из состава ближайших сотрудников редакции «Трудов и дней»:

«Полагаю, — скорее предполагаю, что Боря и Эллис хотят проводить в “Трудах и днях” доктрину Штайнера и применить точки зрения этой доктрины к обсуждению вопросов искусства в частности и культуры вообще.

Другими словами, придать журналу такую окраску штайнерьянства, какая характеризует, по-видимому, издательство “Духовное знание”. <...> К доктору Штайнеру не скрываю своих симпатий. (Симпатий скорее интуитивных, нежели рациональных.) Штайнерьянство этих симпатий, напротив, во мне не возбуждает: разумею движение на запад. Но что такое штайнерьянство Белого или Эллиса, опять-таки вовсе еще не знаю. Символизм же мешать со штайнерьянством заведомо не хочу. Мой “символизм” (говорю о теориях) есть теория только эстетическая. Теософические опыты с искусством (в лучшем смысле слова) мне не симпатичны»¹⁹.

Метнер, конечно же, немедленно сообщил Белому о демарше Иванова, и Белый пишет Иванову недоумевающее примирительное письмо, в котором, однако, упоминает о лекционных печатных курсах:

«Р. Р. S. Уведомляю Тебя, что 3 мистерии Доктора и книги, у тебя имеющиеся, распространяемы лишь в о-ве; поэтому я полагаюсь на Тебя, что Ты о них писать подробно нигде не будешь.

Тот факт, что мистерии и находящаяся у Тебя книга причислены к разряду интимных, мы узнали только после того, как передали Тебе»²⁰.

В ответ Иванов уверял Белого в том, что его отказ скорее связан с личным неприязненным отношением к Эллису, к которому он питал определенную настороженность (и в более ранних письмах Белого к Иванову обсуждалась персона Эллиса, отличавшегося, как известно, чрезвычайно экзальтированным

¹⁸ Кроме того, Минцлова вела переписку со Штайнером, ее письма были напечатаны в: *Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904–1914*. Dornach; Schweiz, 1984.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 25. К. 30. Ед. хр. 5. Л. 23–26 об. — С приложением копии письма Вяч. Иванову к Э. К. Метнеру от 15 ноября 1912 г., отправленного из Рима; писарская копия с автографом и правкой карандашом и чернилами рукой Вяч. Иванова. Письмо датируется 22 декабря 1912 г.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 29.

характером); а кроме того, его не устраивала позиция Эллиса в журнале, демонстративно развернутая в сторону антропософии:

«В Базеле мы говорили о твоей теософии и о курсе журнала. Солидарность была установлена. Речь идет, следовательно, вовсе не о *твоей* теософии. Помню, я даже раз писал Э. К-чу, на вопрос о желательности теософических статей, — что подписанные Белым, конечно, желательны. Новый факт есть редакционный запрос о ближайшем сотрудничестве Эллиса» — «повторяю, что вызван этот протест против *возможных* уклонов художественного символизма, не фактом твоего ученичества у Доктора, но кандидатурой Эллиса, которого знаю за фанатического монодеиста во всем»²¹.

Конфликт между Белым и Вячеславом Ивановым нельзя рассматривать как непримиримое противоречие двух антагонистов, скорее, это была попытка определить в сфере уже изживавшего себя литературного направления, которое для обоих поэтов было все же неразделимо связано и с мистическим локусом символизма, у них был один и тот же учитель — А. Р. Минцлова²², но в дальнейшем их духовные поиски пошли различными путями и не последнюю роль в их расхождении сыграло мнение Штайнера об Иванове. В своей книге «Теософия, или Как достигнуть познания высших миров» Штайнер высказал чрезвычайно важную для Белого идею: человек может и без руководства духовного учителя пройти по пути посвящения, к этому склонны, например, художественные натуры. Но Белый такой путь «самопосвящения» отводил Александру Блоку: не случайно в воспоминаниях «О Блоке» каждый его поэтический том оценивался с точки зрения прохождения определенных посвячительных порогов («Стражей Порога»), тогда как из черновых материалов к статье «Вячеслав Иванов» определенно следует, что Иванов «не прошел испытания Стражем Порога». Тема посвячительного пути является центральной в работах Белого начиная с 1916 года: буквально все его художественные и автобиографические тексты насыщены повествованием о том, как он мучительно проходил свой посвячительный путь²³. Поэтому его размышления о духовном пути Блока выстраиваются своеобразной параллелью к собственному, тогда как Иванов, с точки зрения Белого, в своем духовном развитии двигался в неправильном направлении.

Переписка между Ивановым и Белым заканчивается двумя письмами 1913 года²⁴. Белый с грустью писал Иванову:

«Впрочем жаль, что мы, “символисты”, дробимся: Ты нас с Эллисом, кажется уже вычеркнул из списка символистов; я продолжаю думать, что я символист; но

²¹ ОР РГБ. Ф. 25. К. 30. Ед. хр. 5. Л. 23–26 об. См. также сноску 16.

²² История оккультных увлечений Вяч. Иванова и Бориса Бугаева подробно освещены в кн.: Богомолов Н. А. Anna-Rudolph // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.

²³ Ср.: «Котик Летаев», «Записки Чудака», «Воспоминания о Штайнере», берлинская редакция «Начало века», «Материал к биографии интимный...» и др.

²⁴ Имеется еще два письма Белого к Иванову, скорее всего, датируемые 1918 г.

посмотри: В. Иванов заподозривает символиста Белого, сам оказываясь между “Аполлоном” и “Теософией”. А А. Белому может казаться, что В. Иванов из преувеличенной боязни <впустить> в чистоту своей программы смутности беловской теософии, что В. Иванов готов лучше соединиться со Степуном и Гумилевым, чем допустить, что у Доктора Штайнера может найтись хоть одно место, которое сближало бы его “человеческую мудрость” (антропософию) с канонами символизма.

Может быть, Тебя смущает наша принадлежность к “Теософическому о-ву”? Но, дорогой друг, оба мы вышли из “Теос. о-ства”, так что и формально мы не *теософы*, а *антропософы* (чуть ли не антропологи?). А определение задач антропософии, данное Доктором в последнем курсе, — новый шаг в сторону культуры, искусства мира и жизни, так что мне, символисту, столь же легко, оставаясь символистом, быть “антропософом”, сколь и “*культуртрегор<ом>*”. Ведь с “*культурою*” мы миримся — не так ли? Отчего же не мириться с *человеческой мудростью*, дающей *carte blanche* творчеству?

Так что считаю опять: демонстрация Твоего выхода и боязнь за чистоту журнала есть плод недоразумений. Впрочем, все это мелочи: и, конечно, дело не в этом.

Наконец могу сказать совершенно определенно: Доктор скорее отклонил, чтобы я посылал Тебе курсы; дело вовсе не в Твоей неподготовленности (кто станет об этом говорить), а просто в том, что *по принципу* Доктор настаивает на том, что читающий его курс должен быть лично *ведом* ему в человечески-конкретном смысле: отвлеченно Доктор Тебя знает, по рассказам, как замечательного человека и гениального поэта. Но оккультизм (слово Доктора) требует еще чего-то: в данном случае личного знания Тебя же Доктором, ибо в курсах есть *штрихи* часто оккультные; либо состоять членом Антроп. соф. о-ва, либо лично быть знакомым и т. д. Доктору; было столько случаев вокруг Доктора, когда *нечто*, сообщаемое интимно, переходило за положенную черту, вызывая ряд недоразумений, что Доктор теперь *принципиально* против чтения курсов не состоящим в антропософском о-стве. Так, на мою просьбу посылать курсы Тебе он ответил уклончиво: уклончивость ответа, впрочем, как *нежелание* его, чтобы я посылал. И пойми, любимый друг: уклончивость относилась не к тебе, а к самому принципу чтения курсов не *членами* о-ва. Он вообще к очень многому относится формально строго, и я знаю доподлинно: он говорил про А. Р., считая ее *своей ученицей*, что А. Р. не имела *ни власти, ни права* передавать иное из того, что она передавала посторонним для Доктора (Тебе и мне в ту эпоху); еще *менее* имела она право передавать медитации; те, которые дает Доктор, ибо неверное пользование ими ведет к несчастливым последствиям, и дающий медитацию ответственен за все последствия ими вызываемые, и организм, пользующийся ими; этой ответственности, по мнению Доктора, у А. Р. не было; и отсюда вред для нее и для других пользоваться ими приблизительно на подобных же основаниях сложных и непередаваемый в письме. Доктор принципиально считает нежелательным распространение его курсов учениками за горизонты, так сказать, Доктора.

Милый, вот резюме мнений Доктора.

Остаюсь искренно любящий тебя Борис Бугаев.

Ася приветствует Тебя и Веру Константиновну; мой привет Вере Константиновне, Марии Михайловне, Лидии. Адрес: Berlin. Scharlottenburg Luthes-Strasse. N 27. Pension Wegner.

Р. S. Милый, не пришлешь ли *мистерии* и книжку Доктора?

Р. Р. S. Дорогой Вячеслав, еще напоминаю: мистерии изданы как книги, но в продаже вне о-ства их нет, так что для не членов нельзя их ни распространять, ни их касаться в статьях: выдержки из мистерий в моей статье были написаны в эпоху, когда я не знал, на каком основании напечатаны мистерии»²⁵.

Последнее из сохранившихся писем Иванова к Белому было отправлено уже из Москвы, где с 1913 года Иванов поселился с семьей по адресу Зубовский бульвар, д. 25, и проживал там вплоть до своего отъезда из России в 1921 году.

Вернувшись в Россию, Андрей Белый активно включился в общественную жизнь: только за 1917–1918 годы им было прочитано 32 лекции, он работает над огромным количеством статей — это все в условиях абсолютной бытовой неустроенности. Иванов продолжал вести упорядоченный образ жизни, общается с кругом привычных знакомых, но в отличие от Белого не выходит на общественную трибуну. Эренбург, один из посетителей квартиры на Зубовском, вспоминал об Иванове:

«В восемнадцатом году черной ночью, проходя по пустынным улицам Москвы, слушая выстрелы и плач ветра, любил я глядеть на одно высокое окно. Ревнивым светлым глазом смотрело оно в ночь, непогасимый маяк среди буревой мглы. Я знал, там, наверху, над грудой очень древних и очень мудрых книг бодрствует сторож маяка, один из очень немногих, тот, кто не уходит. Сидит умный и ученый, в старомодном костюме, с золотыми очками. <...> Я постигаю, что в кабинете на Зубовском, тесном и маленьком, помещается капище Диониса и уютная церковка с луковку»²⁶.

Белый, вероятно, посещал дом Иванова на Зубовском бульваре, они условно встречались и на различных общих мероприятиях. Например, 21 декабря 1917 года М. О. Гершензон обращался к Белому с просьбой:

«Милый Борис Николаевич, у меня к Вам дело. Владисл. <ав> Фелиц. <ианович> Х. <одасевич> находится в крайне стесненном положении; необходимо ему помочь. Мы с А. Н. Толстым придумали лит. <ературный> вечер, и одна богатая дама предложила для этого залу в своем доме возле Арбата. Можно собрать тысячу рублей.

²⁵ Письмо датируется по датировке внутри письма — 1913 г. Ответ на письмо Вяч. Иванова от 22 декабря 1912 г. (ОР РНБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 29. Л. 67–72).

²⁶ Эренбург И. Портреты современных поэтов. СПб., 2002. С. 73. — В своих воспоминаниях о Блоке Белый приводил свое суждение об Иванове, относившееся к московскому периоду жизни Вячеслава: «Помню, что раз, рассердившись, воскликнул я: “Да, Вячеслав, переехав в Москву, снял квартиру теперь в Православии, и прекрасно устроился в ней, как устраивался некогда он в мистическом анархизме”» (Белый А. О Блоке: Воспоминания, статьи, дневники, речи / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1997. С. 353).

Помогите — не откажитесь участвовать; прочтите что-нибудь, стихи новые или отрывок из 2-й части Котика Летаева. Будут участвовать еще: Вяч. Иван. <ов>, Бальмонт, А. Н. Толстой. Вечер предположено устроить 28-го или 29-го декабря²⁷.

Возможно, намеченная встреча Иванова и Белого на благотворительном вечере состоялась, и далее последовало их непосредственное общение. Во всяком случае, именно в конце 1917 года Белый спешно дописывал свою статью для Венгерова²⁸ и, судя по черновикам, сменил свои более оценочные определения творчества Иванова на нейтральные. Статья Белого о Вячеславе Иванове была им прочитана несколько раз публично²⁹.

Есть и свидетельство их творческого общения: в составе римского архива Вячеслава Иванова хранится тетрадь с черновым вариантом эпилога к поэме «Человек», с карандашным рисунком Белого и пометой рукой Вяч. Иванова: «Чертеж А. Белого к “Эпилогу”»³⁰. По сообщению А. Б. Шишкина, рисунок относится к 1919 году, т. к. все стихотворения в тетради датированы 1918 годом, а сам «Эпилог» датируется 1919 годом³¹. Интересно, что в самом начале 1918 года Белый публикует рассказ «Человек», с авторским комментарием — «предисловие к повести “Человек”, являющей собой хронику XXV века»³². Можно было бы рассматривать совпадение названий поэмы Вяч. Иванова и рассказа Белого как неслучайное: философский образ «Человека» в период мировых потрясений и катастрофического взрыва старого сознания (а именно так Белый воспринимал революцию и войну 1914 года), становится центральной темой в его романе «Записки чудака», романе с инициатическим и антропософским сюжетом.

Образ главного персонажа рассказа Белого перекликается отчасти с поэмой «Христос Воскресе» и носит явственно автобиографический характер. Однако черты Человека в рассказе Белого, кроме всего прочего, напоминают несколько и портрет Вяч. Иванова: «Характерен портрет, кое-как сохранившийся нам: с перепутанными волосами и с желтым лицом, обрастающим жидкою бородой, поражает он нас фосфорическим блеском остановившихся голубых, точно стис-

²⁷ Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона / Вступ. статья, публ., коммент. А. В. Лаврова, Дж. Мальмстема // *In memoriam*. Исторический сб. памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 260.

²⁸ О завершении работы он сообщал Венгерову 3 января 1918 г. (Ежегодник Рукописного отдела... на 1979 год. С. 55).

²⁹ Лавров А. В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 г. Л., 1981. С. 54. Об одном из таких чтений вспоминала М. В. Сабашникова: «Однажды в частном кругу Андрей Белый (Бугаев) в присутствии Иванова прочел свою статью о нем, написанную для “Литературной энциклопедии”. Я просто испугалась безжалостности его суждений. Вячеслав должен был почувствовать себя или совершенно уничтоженным, или же в негодовании протестовать. На другой день он сказал мне: “Белый показал мне Стража Порога. А что я сделал? Прошел мимо» (Волошина М. Зеленая змея: история одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 300–301).

³⁰ Кузнецова О. А. Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из римского архива Вяч. Иванова // *Русский модернизм: проблемы текстологии*. СПб., 2001. С. 232–254.

³¹ Этой теме был посвящен доклад А. Б. Шишкина «“Чаша-купол” Андрея Белого в блокноте Вячеслава Иванова», который прозвучал на Междунар. науч. конф. «Андрей Белый в изменяющемся мире» (26 октября — 1 ноября 2005 г.).

³² Белый А. Человек // *Знамя Труда*. 1917. № 2.

нутых глаз»³³. И рассказ, и поэму объединяет общий мотив искупления: Человек Иванова — это и Христос — искупающий, и Эдип, наказанный и проходящий через искупление; в рассказе Белого персонаж, который также носит явственно христологические черты, погибает³⁴ и сливается с мировым пространством.

Практически одновременно с выходом венгеровского издания в газете «Знамя труда» за 26 марта и 3 апреля появляется резко памфлетная статья Белого «Сирин ученого варварства»³⁵, в которой он оценивал поэтическое творчество Есенина и Клюева выше философской поэзии Вячеслава Иванова: «Что революция переживается религиозно, об этом свидетельствует творчество наших лучших поэтов: “Революционные поэмы” Сергея Есенина и “Песнь солнценосцев”, принадлежащая Клюеву, полны революционно-религиозным экстазом, в котором мне видится подлинный религиозный порыв, а не религиозно холодные рассуждения, пестрящие и портящие страницы “Cor Ardens”. — “Пожалеем его”».³⁶ Такое предпочтение творчества Есенина и Клюева отнюдь не случайно: в статье Белого «Жезл Аарона»³⁷ (1917) именно этим авторам отводится ведущая роль в современном словесном мифотворчестве. На ту же тему Белым была прочитаны лекции: «Жезл Аарона (о поэтическом слове)» (1917) и «Живое слово» (1918)³⁸. Иванов, откликнувшийся позднее на статью Белого³⁹, казалось бы, не имел никакого отношения к теории слова Андрея Белого. Вместе с тем как статья, так и лекция, содержат несомненные пересечения с работой Вяч. Иванова «Наш язык» (1917), на которых мы не будем останавливаться, отметим лишь несомненное влияние традиции имяславия на лингвистические разыскания того и другого автора⁴⁰.

Черновой текст лекции Белого значительно отличается от опубликованной статьи «Жезл Аарона» и отчасти содержит полемические инвективы, как нам кажется, в адрес Вячеслава Иванова:

³³ Можно напомнить, что описание внешнего облика Вяч. Иванова встречается в симфонии Белого «Кубок метелей»: «Мистический анархист с золотыми волосами», который «напоминал Христа в изображении Корреджио»; ср. в воспоминаниях «О Блоке»: «...когда носил бороду, то чуть-чуть... — простите за выражение — “христосился” он (по Корреджио)» (Белый А. О Блоке. С. 353).

³⁴ Тот же сюжет см. в поэме Белого «Христос Воскресе» и в рассказе «Йог».

³⁵ *Белый А.* 1) На перевале. 1. Сирин ученого варварства, гл. I–VI // *Знамя труда*. 1918. № 163. 26/13 марта; 2) На перевале. 2. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»), гл. VII–X // Там же. № 170. 3 апреля/ 21 марта. Отдельное издание: *Белый А.* Сирин ученого варварства. Берлин, 1922. — Первая часть статьи является компилятивными выдержками из статьи «Вячеслав Иванов», вторая — вполне самостоятельна.

³⁶ *Белый А.* На перевале. 2. Сирин ученого варварства.

³⁷ *Белый А.* Жезл Аарона // Скифы. Пг., 1917. Сб. 1.

³⁸ ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 8. Список рефератов и лекций, читанных мною с 1902 года по 1918-й. 4 л.

³⁹ *Иванов Вяч.* О новейших теоретических исканиях в области художественного слова (IV, 633–650).

⁴⁰ Отчасти эта проблематика освещается в статьях: *Гоготишвили Л. А.* Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999; *Кустова Г. И.* Языковые проекты Вячеслава Иванова и Андрея Белого: философия языка и магия слова // там же; *Гоготишвили Л. А.* Антиномический принцип в поэзии Вяч. И. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. N 1.

«Философ есть холостяк, имеющий со словом роман. Филолог есть семьянин, но лишенный всяких общественных интересов; у него интересы — семейные.

Наконец, остается нам третий тип измерителя слова: это — словесник *в теории словесности*, ему приходится делать жалкие заемы у филологии, в истории слова заемы у идеолога; словесник, не приникая в жизнь логики, не проникает в жизнь *корней слова*; уподобляется он существу, проживающему на чужих квартирах: у философского холостяка и у филологического семьянина; перекочевывая от одного к другому, уподобляется он переносителю *сплетен и слухов о слове*; очень часто он есть распространитель ходячего, пошлого слова, где одинаково стерты и Логос-жизнь, и Логос-Смысл, во имя здравого и якобы <переднего?> смысла в противоположность образному и чисто абстрактному...»⁴¹.

Позднее в своих мемуарах «Начало века» Белый напишет о «тройственности» личности Вячеслава Иванова:

«Три Вячеслава я попытался здесь изобразить <...> так, как обличия эти во мне отразились <...> все фазы в нем, интерферируясь, жили; сидит пред тобою какой-то Христос самозванный; глядь — нос в табаке: старый провинциальный немецкий учитель <...> и вдруг, <...> спокойная ясность наследника Гёте; поверил в него, и — опять все забылось»⁴²

— эти «три» Иванова: философ, филолог и поэт образовывали в его личности непримиримое противоречие. В тех же черновиках лекции «Жезла Аарона» он именует «философа» так же, как и Вячеслава Иванова — «сократиком и софистом»:

«<...> и философ нам зачастую являлся сократиком и софистом с высохшим дневным трезвым мышленьем не могущим вскрыть свои собственные природные корни». ⁴³

Судя по приводимым ниже отрывкам из черновиков к статье «Вячеслав Иванов», понятие «сократический человек» восходит к работе Фр. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»⁴⁴, где пересказывается платоновская история о Сократе⁴⁵, который перед смертью обратился к искусству. Именуя Иванова «сократиком», Белый непосредственно обращается к сфере визуализации духовного опыта, откуда возникает метафора: «Эдип, себя ослепивший»⁴⁶. Этот сложный образ слепого сократика и Эдипа, безусловно, связан для Белого с

⁴¹ Белый А. Жезл Аарона. Материалы к лекции (РО РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 9. Л. 1–38).

⁴² Начало века. С. 360–361.

⁴³ Белый А. Жезл Аарона. Материалы к лекции.

⁴⁴ Ницше Фр. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. См. также сноску 76.

⁴⁵ Платон. Федон.

⁴⁶ Ср. в мемуарах Белого: Иванов «тащился <...> с видом Эдипа, ведомого прочь от злосчастного места, где рок раздавил ему зрение» — «Минцлова, выросшая при Эдипе слепом» (Белый А. Начало века. С. 350).

внутренним медитативным опытом, этапы которого, в том числе, протекали через область имажинативного познания⁴⁷: образы духовной реальности могут быть представлены разного рода символическими фигурами, первостепенную роль здесь имеет цвет, который, согласно учению Штайнера, отличен от цвета материального мира⁴⁸.

Образ Эдипа возникает в черновиках Белого на этапе анализа цветовой семантики поэзии Иванова. Белый приходит к выводу, что цветовая гамма поэзии Иванова распределяется по оси «свет — тьма»: «Света вдвое более тьмы» — констатирует статистику Белый⁴⁹. Однако цветовая гамма, явленная в поэзии Иванова, не принадлежит к той сфере духовных откровений, которая свойственна, например, поэзии Блока⁵⁰. Цвет в поэзии Иванова не может быть истинным, поскольку он не является плодом духовного видения.

Можно было бы предположить и то, что соотнесение Вячеслава Иванова с Эдипом восходит к рефлексии этого образа самим Ивановым в его поэме «Человек».

Образ Эдипа — центральный в поэме Вяч. Иванова «Человек», причем, судя по более позднему авторскому комментарию к поэме⁵¹, «основной» миф младших символистов-соловьевцев о «Душе Мира» получает неожиданное осмысление через миф об Эдипе и, по всей видимости, содержит инвективы в антропософский адрес:

«Эдип, разрешивший, как ему казалось, загадку Сфинкса — загадку всего творения — словом “Человек”, объявивший Человека мерою всех вещей⁵², закливший

⁴⁷ Согласно Штайнеру, высшие ступени познания духовных миров — это имажинация, инспирация, интуиция. Имажинация представляет собой погружение в реальность разрозненных символических образов (Штайнер Р. Очерк тайноведения, Или как достигнуть познания высших миров).

⁴⁸ Об опыте имажинативного познания, который Белый реализовывал в символической образности, см. нашу статью: Глухова Е. В. Неопубликованные рисунки Андрея Белого к «Глоссолалии»: Чаша Св. Грааля // Труды Рус. антрополог. школы. М., 2005. Вып. 3.

⁴⁹ Белый А. Вячеслав Иванов // Русская литература XX века. 1890–1910. М., 1918. Т. 3. Кн. 8. — Если обратиться к статистическому методу стиховедческого анализа текста, то получается, что в своих подсчетах Белый был не так уж неправ: действительно, только употребление слов «свет — тьма» (без подсчета семантических полей «свет» — «тьма», что значительно усложняет метод подсчета) показывает несомненную доминанту первого.

⁵⁰ Ср. анализ Белым цветовой семантики поэзии Блока от первого к третьему тому (Белый А. О Блоке).

⁵¹ Об истории написания поэмы см.: Шишкин А. Б. К истории поэмы «Человек» Вяч. Иванова // Изв. Академии наук. Сер. лит.-ры и языка. 1992. Т. 51. № 2. — Опубликованный вместе с поэмой комментарий Вяч. Иванова был одним из нескольких: «... автор сопровождал чтение поэмы объяснением композиции частей и смысла символов или же призывал присутствующих изъяснить его произведение в “четырёх смыслах” по обычаю средневековых схоластов: буквально, аналогически, аллегорически и с точки зрения высшего смысла — аналогически. Сохранилось четыре авторских варианта комментариев, один из которых и был напечатан в единственном состоявшемся издании мелопеи (Париж, 1939)» (Кузнецова О. (совм. с Г. Обатниным) Вячеслав Иванов // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов. М., 2001. Кн. 2).

⁵² Напомним, что новая духовная наука, которую основал Штайнер, называлась «мудростью о человеке».

Природу наложением на нее своей печати и вознесением над ней своего благолепного обличия...»

Далее, самый конец этого комментария опять-таки возвращает нас к области имажинативного познания, или медитативного опытного познания Штайнера:

«Из тоски по ней — Матери, Сестре, Невесте — возникло все многообразное творчество человека, все его самоотражения в художествах и религиях; но *никакая имажинация и никакая теургия* (курсив мой. — Е. Г.) не удовлетворяла его пустынной жажды — жажды Реального — и не освобождала Мировой Души, и печально звучали его флейты» (III, 243).

По всей видимости, к тому же времени, когда были опубликованы статьи «Си-рин ученого варварства» (конец марта 1917 года)⁵³, относится хранящееся в архиве письмо Белого к Вяч. Иванову⁵⁴. Как справедливо замечает Р. Кейс, первый публикатор части этого письма, по всей видимости, оно не было отправлено, по причине его чрезмерно раздражительного тона и пафосного обличения образа жизни Вячеслава⁵⁵. Думается, имеет смысл процитировать это письмо целиком:

«Дорогой Вячеслав,

я не был у тебя все это время по многим причинам: 1) интенсивная работа 2) необходимость жить в известном ритме, который всегда разрушается от хотя бы интереснейшего разговора: но слова — “*поступки*”; излишняя разговорчивость, когда она не связывает людей в “*путь дела*” есть грех; грехи “*празднословия*” мне вредны; а “*празднословием*” является всякое “*сладострастие*” в произнесении умных слов. Я всегда ощущал нашу общую московскую атмосферу, как “*говорильню*”. “*Враг я этих шумных и умных разговоров...*” В московскую “*говорильню*” я не хожу; идти же к тебе, — это значит идти на ответственное дело. Наша последняя встреча показала мне ясно, что — да; мы можем дружески обмениваться “*точками зрения*”, но разговор между нами никогда не дойдет до *дела*, до связанности во Имя (“Где двое и Трое во имя *Мое*, там я посреди их”). Этого между нами быть не может; ты мо-

⁵³ О конфликте Белого и Иванова после войны 1914 г. и революции 1917 г. см.: Heinrich A. Stammeler. Belyj's Conflict with Vyacheslav Ivanov over War and Revolution // Slavic and East European Journal. 1974. Vol. 18. N 3. — Как среди современников, так и в большинстве исследований об Иванове и Белом сохраняется устойчивое мнение о том, что источником конфликта послужила именно статья «Си-рин ученого варварства»: West, James. Russian Symbolists: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London, 1970; Maslenikov, Oleg. The Frenzied Poets: Andrej Biely and the Russian Symbolists. Berkeley, 1952; Stepan, Fedor. Mystische Weltschau: Fünf Gestalten des russischen Symbolismus. München, 1964; Мочульский К. Андрей Белый. Париж, 1955.

⁵⁴ Впервые часть этого письма была опубликована: Keys, Roger. Realists and idealists: the case of Vyacheslav Ivanov versus Andrej Belyi // Slavonica. 1994/95. Vol. 1. N 2. P. 18.

⁵⁵ Более ранние письма Белого к Иванову, напр., касавшиеся полемики о символизме (1908 г.), также часто носили обличительно-полемический характер, доходивший порой до крайних форм отчуждения, но впоследствии Белый сам искал примирения. Письмо Белого к Вяч. Иванову от 30 декабря 1908 г. было опубликовано Н. А. Богомоловым в кн.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.

жешь исповедовать христианство; я — то же; мы можем обмениваться умнейшими “точками зрения”; эти обмены мнений “для меня” (как) бы ты ни был “чуток” и “прониновенен” будут лишь “ананасом в шампанском”...

А комфортабельность этих “ночных” и “глубиннейших” разговоров, “буржуазность” их мне претит. Весь мой упор против тебя не выразим логически. Мне претит весь строй Твоей жизни — эгоистический, комфортабельный; мне претит Твоя жизнь, поскольку извне ее созерцаю без Любви, без Жертвы; все Твои духовные алкания кажутся мне утонченной деталью к “ананасу в шампанском”. Где подвиг Твой? Где жертва Твоя? Знаю: ты мне можешь вернуть: “А где твой подвиг?” На это же я отвечу: “Если мы не видим ядра друг друга, то ничего кроме разговора между нами и не может быть...”; а я уже семь лет тому назад от обычая разговоров бежал из России.

Оттого-то и духовным путям Вашим⁵⁶ не верю я; Вы можете словами взрывать глубины опытов: но это все “словесность”. И вот корень моего неверия в Тебя: Ты в себе погубил духовные дары своей жизнью, как почти все Вы. У меня ко всем Вам один разговор: “Покайтесь! Приближается Царствие Небесное!” Вместо покаяния я вижу лишь “говорильню и гурманство”. Сил моих нет возвращаться в этой мертвой Вашей жизни. 3) У меня путь с теми милыми, родными и близкими душами, которых жизнь окрашена внутренним духовным светом, перед которыми Вы фарисеи — эпикурейцы — литераторы — “знаменитости” поднимаете головы: Вам, разумеется, непонятно, что я с ними, а не с Вами, с “прославленными”, “маститыми”; верьте же: мне тепло и счастливо с теми друзьями-антропософами и юными душами, которые подходят к нам в той же мере, в какой мне скучно, когда я в компании “знаменитостей”, которых я изучил и которые интереснее в книгах, чем в жизни; и я утверждаю — путь жизни, стыдливо цветущий, — тот путь, о котором так любят болтать в православно-московско-гучковско-модернистическом обществе — с нами; в “говорильне” все слова о “пути” отдают мертвечиной. “Быт” — вот что мне претит; буржуй я или нет, я не знаю; менее всего мы думали об этом, когда в холод и зной, в туман и сырость, лишаясь всех заработков и питаюсь черт знает чем — мы отдавали наши силы грубой работе; не знаю, буржуем ли я был, когда свет души моей, Асю мою, покинул — зная очень хорошо, что может быть мы и не увидимся (но я знал — размеры грядущих событий). А вот что Вы — “буржуи”, это мне ясно. Нет у Вас пути, нет у Вас правды, нет у Вас подвига!

Милый Вячеслав, Ты просил меня быть правдивым: и я правдив. Мне очень трудно выразить это Тебе в глаза, ибо ты всегда очаровываешь душевным богатством и блеском таланта, и душевн<ой> добротой; но я знаю, что Ты духовно <не> наш, духовно не добр. Это факт моего глубинного узнания о Тебе (дело не в логике, но в “убеждении”). Итак, от последних дух. <овных> истоков, где обитает во мне любовь к Тебе, говорю Тебе: “Не ходи павлином. Брось свои “великолепия”: покайся, очистишься, плачь и рыдай!” В чем каяться? Пусть тебе подскажет Твое “Я” (я же

⁵⁶ В оригинале письма «Вы» и «Ты», как правило, написано с заглавной буквы, но часто такое различие сложно, хотя и «Т» и «В» отличаются по высоте от остальных букв строки; в данном случае из собирательного «вы» явственно превращается в гневно-обличительное «Вы», что подтверждается строчным написанием «В». В переписке Иванова с Белым письма от 1904 г. и часть писем 1905 г. — на «Вы», затем они переходят на «Ты», причем такое написание характерно именно для писем Белого.

тут ни при чем). Ты волен обидеться. Но дело не в обиде. Я обещал сказать Тебе мою правду. И говорю: “Покайся!”

Остаюсь искренне преданный и любящий Б. Бугаев.

Р. С. Разговоры между нами в данный период твоего развития могут быть лишь разговорами “литературными”. О духовных путях между нами ни понимания, ни речи быть не может»⁵⁷.

Несмотря на возникшее со стороны Белого напряжение в отношениях с Ивановым, уже в августе-сентябре 1918 года он писал Иванову письмо с просьбой дать «стихи, выросшие у поэтов “из революции” для альманаха «Змий»⁵⁸. Осенью того же года Белый и Иванов принимали участие в Театральном отделе Наркомпроса⁵⁹, в частности в архиве Белого, которому было поручено составить проект лекционных курсов для Театрального университета, встречаются заметки о тематике лекций, предложенных Вяч. Ивановым (об античном театре и драме)⁶⁰. Вполне возможно, что уже в 1919 году взаимоотношения Белого и Иванова становятся все более прохладными; о жизни Вячеслава он узнает от своих знакомых, подозревает его в сотрудничестве с новой властью: «пусть уже “товарищ” Иванов идет во власть имущие: недавно в “Известиях” было написано: “Пролетариат может быть спокоен, когда во главе чего-то там стоят такие люди, как товарищ Иванов”»⁶¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Разрозненные черновые материалы к статье А. Белого «Вячеслав Иванов»⁶²

Треугольник сестер разрывается: Чувство, Воля и Мысль не приняли конкретно «младенца» (духовное «Я»); не эвритмический танец способностей, а «краденье» способностей начинается именно в этот момент.

⁵⁷ РО РГБ. Ф. 25. К. 30. Ед. хр. 5.

⁵⁸ Это письмо цитируется в примечаниях к письму с аналогичной просьбой к Блоку от 31 августа 1918 г. и к Иванову-Разумнику от 23 сентября 1918 г. (Александр Блок — Андрей Белый: Переписка / Вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001; Иванов-Разумник — Андрей Белый. Переписка. С. 516).

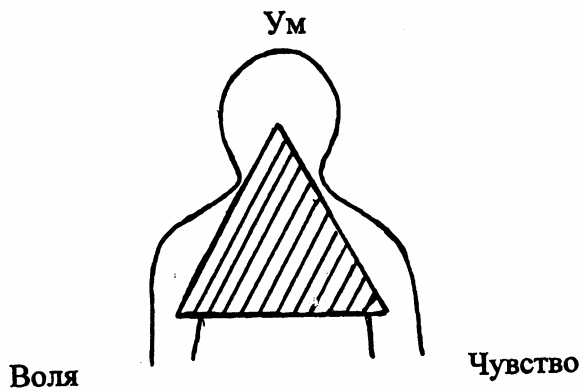
⁵⁹ Зубарев Л. Д. 1) Вячеслав Иванов в театральной реформе первых послереволюционных лет // Тарту, 1997. № 8; 2) Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало. М., 1998. Вып. 4.

⁶⁰ РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 15. Материалы по работе А. Белого в ТО Наркомпроса (1918–1919 гг.). См. также: Глухова Е. В. Конспект Вячеслава Иванова и лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова» // Русская литература. 2006. №3.

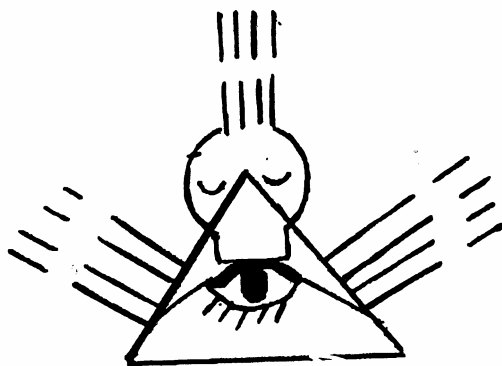
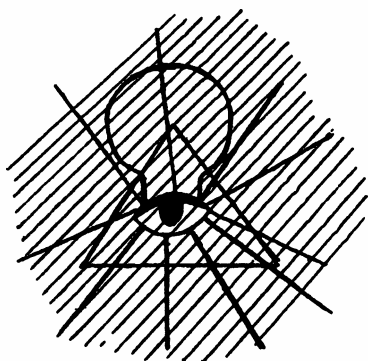
⁶¹ Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 26 августа 1919 г. (Иванов-Разумник — Андрей Белый. Переписка. С. 179). В комментариях к письму указывается статья, послужившая источником сведений Белого: В. Аш. [Ахрамович В. Ф.] Коллективное творчество // Известия. 1919. № 176.

⁶² РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 13. Л. 30, 31–32 (по авторской нумерации л. 19 (20 — зачеркнуто)), 11 об. (черновик, перечеркнутый лист); 4 об., 47–49, 40–43.

Обычные силы души (3 сестры):

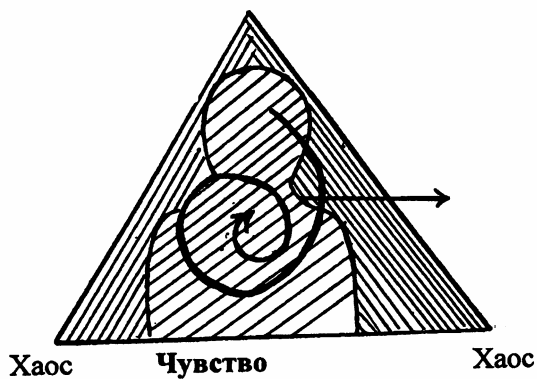
Рождение в них «Орфея»:

Что произошло с Ивановым:

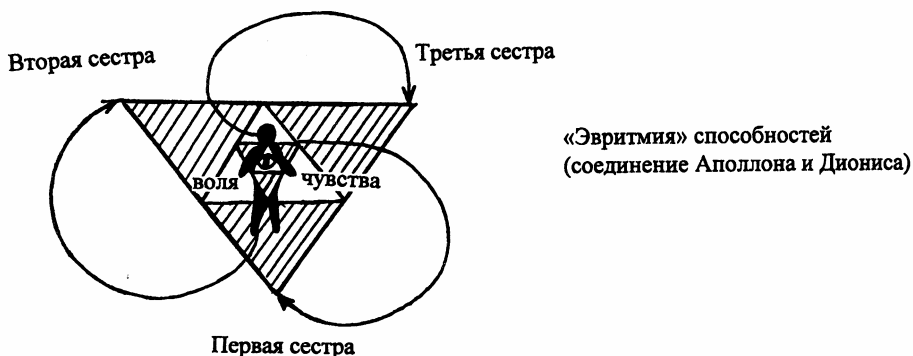
Воля

Ум

«Дионисическое радение»

Нормальный путь духовного развития после рождения в «свете»⁶³:

[«Треугольник» сестер погружается в мрак Вячеславом]⁶⁴ Ивановым: и «Мысль» с Востока», взирая на сумерки сердца, не видит «сестра» посередине потухшей, космической солнечной сферы; [и потому-то] отдел «Сердце-Солнце» — насквозь риторичен: [Мысль] — мудрость с Востока] — не знает «Любви»; глядя вниз, под собой [не встречает она ясновидящим взором «Сестру»]; [но встречает] (она видит — приписано сверху) одну «глубь ночную», непросветленного чувства: [«Глубь ночная зыблет смутно мой двойник»](177)⁶⁵. Оттого-то и Свет [этой Мысли] есть свет несогретый: «Тянусь я из дозора мертвой светлости моей» (178)⁶⁶. Сестра же с юга переживает толчки возбужденного сердца, темнотными потопами [непросвещенных страстей]: «Душа, душа ночная, в дремучие пониклые сны, где бродят заросли ломая, желаний темных табуны» (179)⁶⁷.

[Сестра с запада,] Воля, бросая на Юг и Восток свои взоры, [не видя Любви и ее просвещающей Мудрости], соединяет холодный рассудок с алчностью [тем-

⁶³ В опубликованный вариант статьи, конечно же, не входили рисунки-схемы Белого, которые он делал на оборотах чернового автографа. Эти рисунки, изображающие духовную эволюцию Иванова-мистика с антропософской точки зрения, а также схема-модель, в которой Белый выводит происхождение мистицизма Иванова от эзотерической церковной традиции XII в.

Изображение духовной реальности в рисунках-схемах Андрея Белого занимает важное место и наряду с вербальным рядом может рассматриваться как равноправное в понимании того медитативного опыта, к которому апеллирует Белый практически во всех своих работах периода 1917–1920 гг. Аналогичный рисунок приводился Белым в письме к Иванову-Разумнику от ноября 1919 г. (Иванов-Разумник — Андрей Белый. Переписка. С. 189–190) несколько в ином контексте: речь шла о стиховедческом разборе отрывка из драмы-мистерии Рудольфа Штайнера. Можно предположить, что идентичность этих рисунков свидетельствует о том, что Белый мог воспроизвести иллюстрации Штайнера к его лекциям. Интерпретация представленного здесь рисунка такова: духовная сущность Иванова не развивалась «спирально в дали мира», а замыкалась в себе, порождая «дионисическое радование».

⁶⁴ Здесь и ниже в квадратных скобках дается зачеркнутый текст.

⁶⁵ «Темница» («Прозрачность» — I, 807). В оригинале:

Вижу — блещет глубь ночная.

Зыблет смутно мой двойник. —

Здесь и далее в круглых скобках — авторские сноски после текста.

⁶⁶ «Темница» («Прозрачность» — I, 807)

⁶⁷ «Ропот» («Cor Ardens». Кн. 2. Speculum speculorum. Руны прибоя — II, 370).

ных чувств] в ритуалах сомнительной магии; и низменного герметизма и страстный маг возникает: «В ритме [сладострастия], к чаше огненных познаний, припадай [приступай], чтоб собрать в единой длани все узлы» (180)⁶⁸...

Словом [(Воля = Рука, Сердце = Чувство и Мысль = Голова распадаются)] нет треугольника. С Севера поднимается мифистофельский Голос: «Куда веселая направилась ватага?» (181) Три Иванова шествуют от развалин душевного Храма... во мрак лабиринтов.

(177) Пр., стр. 145.

(178) «Пр.», стр. 144.

(179) «Cor Ardens», I ч., стр. Эрос.

(180) «Cor Ardens».

(181) «Пр.»

В период разлития «ядов» эсотерический мистик, Иванов второй, учит:

— древность немыслима вне преемственных знаний о Боге; и — к общине «магов» должны повернуться новаторы: «новый миф» предсчислен; Корнелий Агриппа в пятнадцатом веке гласит о событиях двадцатого века⁶⁹; эликсиры динамики жизни таятся в нетленном футляре, в недвижимой форме; закон становления — в ней, а этапы возврата к закону есть путь посвящения в иерархию ценностей (a realibus ad realiora!)⁷⁰; дано, что религия — знание Реала, который искусство копирует лишь в материал предметов; так Бог, Правда, Истина ведомы общине, передающей их в догматах от мудреца к мудрецу по векам; так и творчество «нового мифа» — точнейшая копия воспоминаний об истине (171); так «что» прежде «как». Правда в догматах: в них уже дан установленный строй иерархий, истекший от Бога; Но...

— «бог» —

— гласит первый Иванов (пророк Диониса) — (есть [марево] сон. — вписано сверху. — Е. Г.) порождение дионисовых сил в человеке; он — «миф» человека-вакханта; [он сон исступленных вакхантов (безбожных козлов)], переживающих (его) «ставшие истины пеною чувственных становлений (172).

⁶⁸ «Узлы змеи» («Cor Ardens». Кн. 2. Speculum speculorum. Arcana — II, 291). В оригинале:

В грозном ритме сладострастий, к чаше огненных познаний
Припадай, браман, заранее опаленным краем уст,
Чтоб с колес святых бесстрастий клик последний заклинаний
Мог собрать в единой длани все узлы горящих узд.

⁶⁹ Ср. в статье Вяч. Иванова «О русской идее»: «Агриппа Неттесгеймский учил, что 1900 год будет одним из великих исторических рубежей, началом нового вселенского периода... Едва ли кто знал в нашем обществе об этих исчислениях старинных чернокнижников; но несомненно, что как раз на меже новой астральной эры были уловлены чуткими душами как бы некие новые содрогания и вибрации в окружающей нас интерпсихической атмосфере и восприняты как предвестия какой-то иной неведомой и грозной эпохи» (322).

⁷⁰ Лозунг символического искусства, провозглашенный Вяч. Ивановым: «от видимой реальности и через нее к более реальной реальности» (II, 571).

— Нарушена целостность (третий Иванов — где он? Два Иванова ищут его), [вопрошая и указуя на небо]: «августиновы» догматы тают летающим «как»; «дионисовы» пляски застыли [в неподвижности формы]; огонь — распадается: на «становление» и «ставшее», на процессы горения и свет. Два Иванова угрожают друг другу — борьбою друг с другом... (173).

Тут пытается встать перед нами и третий Иванов, сливающий оба пути — антиномии дионисических состояний (174) (раздвоенность личности порождает экстаз — вписано сверху. — *Е. Г.*) [(то есть о двух половинках одной половины души)] [двоение личности, раскрываясь в экстазе] Диониса двойственно-женственным богом, как душу Мэнады, влюбленной в него и его убивающей (176); как [Дионисов] «пророк», Достоевский; Иванов [как личность], под маскою [всеединого] «я» умножает свои двойники [умножает и свои двойники и поэт Вячеслав Иванов] в преломленьях [прозрачности] радугой переменчивых красок; а третий Иванов, [не динамик — статик], есть гностик, повернутый (на себя самого) с указанием (себе самому): «Служи... [духу] истине «Я» (179); Достоевский не хочет менять в себе внешнего человека (180); но бой правды «Я» с миром ложного «Я» (т. е. [через] кризисы наших сознаний) окончатся подчинением Духу «Я» (181); и томленьем к самопознанию отмечены кризисы; дерзновение красоты вне добра и вне истины — пусто; [в театре] и лозунги истины движут театром (182); и пафосом этики облагорожен Дионис орфической церкви (183), где он дан как Всебог и откуда течет его Дух в эротических окрыленьях идеи Платона[овой истины], гласящей устами уже Аполлона: «Познай себя»; и мистерия без пути жизни в «Я» — не имеет скелета; скелет же мистерий — в пути постижении «Я»; и религия — в гнозисе (184), где экстаз Диониса — лишь Эва Адама, встающая в таинстве сна из адамовых ребер:

— без конкретного знания «Я», без отдания себя «Я» (большому) начертан абстрактно Ивановым (гностиком) путь посвящения, упраздняемый богатством вовне от себя самого (по линейному тракту истории, не открытому внутренне, по кругу радений, во времени ширящих «Я», отчего разрывается «Я» — всеединство — в отдельные частности); групповая стихия души, не восшедшей к себе, — «всенародность» Иванова (186), проходящего гаммою мыслей и гаммою слов (всеотзывный, всезрящий (187) по гамме стихов; соединение явлений на «все» — не в душе, а — в рассудке: в «субъекте познания» Декартово-Кантовом (Не Христовом, конечно); звучит деревянно воскресная тайна явлений (188): божественной Троицы нет в сочетании «Я» с «Ты еси» — в высшем «Я»; под «субъектом познания» рыщут столикие маски мятущейся данности (189); Бог — в «многобожии», а «многобожье» — в «безбожии» хладного «субъекта познания» (190); раздвоения «Я» на убийцу и жертву гнетет безвоскресно философа, независимо от абстрактно им данных рецептов «пути посвящения»; и сильнейшею нотою плачущих песен Иванова-лирика, угнетенного «мистиком» выступают мотивы отчаянья, агностицизма и скепсиса (191). В то же время бесстрастный «субъект» надсознаний уставился вглубь подсознаний, откуда доносятся топоты «табунов темных чувств».

Тайна Духа Земли в Духе Тайны Христовой; но «Фауст» увидел лишь чудящее в духе Земли; от освещения подсознания он сознанием отшатнулся (он све-

тильную свою не опустил в чашу с маслом), упавши в объятия «Вагнера»⁷¹ (Du gleichst dem Geist, den du begreifst).

[Все три части распада («я» жизни на «я» и субъект, «я» на «я» Аполлона и «я» Диониса) в метафизическом пункте — мгновенны, являя падение Фазтона, так чудно описанное Вячеславом Ивановым⁷²; здесь три части души (или — сестры: Ум, Чувство и Воля)]

(171) «По звездам»: стр. 311 и далее: Две стихии. Стр. 247–290. «Борозды и межи». Заветы символизма. Стр. 141, 158.

(172) «Эллинская религия страдающего Бога».

(173) «Если... Ты другой и падешь на себя же, Другого...»⁷³ С. А. I ч. Стр. 112.

(174) «П. 3.» «Ницше и Дионис. Действо 1–20».

(175) «П. 3.» Ты еси. Стр. 427.

(176) «Б. и М.» Сущность трагедии. 348.

(177) «Б. и М.» О Достоевском. Стр. 40.

(178) «Я пред ликом чародея ряд встающих двойников». «Прозрачность». Стр. 13.

(179) «П. 3.» Кризис индивидуализма. Стр. 88–102.

(180) «Б. и М.» О Дост. Стр. 40.

(181) «П. 3.» Предчувствия и предвестия.

(182) «Б. и М.» Эстет. Нормы театра. Стр. 263.

(183) «Эл. Религ. Стр. б.» Дионис и эллинизм

«...терзающих антиномий становятся красками, раздражающими восприимчивость («Переходят радужные краски, раздражая око светом ложным»)⁷⁴; восприятие это есть ложь комфортабельности, сытого и собой довольного эстетизма (ложь, обратная сентиментальному отношению к его ужасным гротескам); здесь то именно и присутствуем мы при судорожной борьбе антиномий, поднимающейся в сократической личности при ее попытке взглянуть в глубину Дионисовой тьмы; вспомним ницшевский образ Сократа, пред смертью пришедшего... к музыке, ненавидимой им⁷⁵; независимо от того, соответствует ли

⁷¹ Вагнер — секретарь Фауста, его полная противоположность.

⁷² «Гелиады» («Прозрачность»).

⁷³ «Сон Мелампа. <Максимилиану Волюшину>» — II, 298).

⁷⁴ Строка из стихотворения А. А. Фета «Сказка». Эти строки Белый цитирует в своих письмах к А. А. Блоку.

⁷⁵ Ср. у Ницше: «Дело в том, что этот деспотический логик испытывал временами по отношению к искусству ощущение какого-то пробела, какой-то пустоты, какого-то полуукора, быть может, чувство невыполненного долга. Зачастую являлось ему во сне, как он сам в тюрьме рассказывал о том друзьям, одно и то же видение, постоянно повторявшее: «Сократ, займись музыкой!» До последних дней своих он успокаивал себя мыслью, что его философствование и есть высшее искусство муз, и не решался поверить, чтобы какое-нибудь божество могло напоминать ему о той «простой, народной музыке». Наконец в тюрьме, чтобы окончательно облегчить свою совесть, он соглашается заняться этой мало ценимой им музыкой; и в таком настроении он сочиняет вводный гимн Аполлону и перелагает несколько басен Эзопа в стихи» (Ницше Фр. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Фр. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 25). Ницше в свою очередь пересказывает диалог Платона «Федон».

Сократу фигура страдающего до смертной тоски обреченного «Сократа» у Ницше, — мы склоняемся здесь перед вскрытой трагедией нашего века: перед смертью с агонией «сократика», обреченного: *смертью личины в себе завоевать бессмертное «Я»*; трагедия Вячеслава Иванова есть страдания незрячей, себя истерзавшей души «сократического» эклектика, впервые услышавшего музыкальный напев глубины к нам грядущей культуры: силится эта душа протереть себе очи; и вызывает в усилии этом лишь иллюзию ясновиденья — в виде радужных пятен в глазах, обусловленных приливами к мозгу потоков бунтующей крови; этот бунт темной крови — итог головных напряжений при сидячей жизни и при отсутствии воздуха; радужные пятна в глазах оплотневают тогда иллюзию картинами: «и заревом цареградских мозаик», и «гранями сафира»; эти пятна прилива суть «сны словарей», «энциклопедий» и Рошеровского «лексикона»⁷⁶.

Но трагедия Вячеслава Иванова есть трагедия нашей, себя истерзавшей души; сократический человек наших дней наконец так слышит потоки безумий, грозящих залить берег жизни, если вовремя мы не научимся плавать в стихиях иной, музыкальной культуры; слишком поздно опомнившись, наконец современный «Сократ» устремляется к занятиям музыкой (ибо «мелос» — ковчег, по которому переправимся мы чрез громы, гармонии волн); и занятия музыкой вызывают сперва в нем иллюзию понимания музыки: «пятна красок в глазах обусловлены воспалением зрения; но эти пятна в глазах защищают глаза от слепящих лучей новой жизни, способных спалить; «*созерцание пятен*» — трагический вид слепоты сократической жизни, осознающей свой крах, как *sui generis* зрение; осознать слепоту для сократика значит: *погибнуть*; и погибая в своей «сократической» жизни к восстанию в жизни иной, «сократический» человек самую свою гибель «сократика» воспекает в тонах, обманывающих его самого и являющих ему некое исполнение всех его надежд и желаний; восхождение перед ним его пятен болезни в глазах, ему кажется: восхождением «*зарева цареградской мозаики*». Трагедия современной души неопишима по глубине и размаху; неопишущий кризис сознания стоит при дверях; неопишущие формы болезней, которыми схвачены именно передовые и лучшие люди культуры; именно в душах их притаились «уроды» и «монстры», грозящие поглотить нашу жизнь. Именно⁷⁷ среди них, среди «лучших» обрел Заратустра «сквернейшего» человека, именно, на пороге перед вратами, ведущими к алтарю, над которым простерто мое настоящее «Я» — посещает меня страшный образ «сквернейшего» «Я»; это «сквернейшее» «Я»; застилает мне лучшее «Я», то пугающий тьмою, то радужным блеском соблазнов, который мне должно отринуть; видение «сквернейшего человека» есть видение «*стража порога*»⁷⁸, охраняющего неочищенное настоящее от лучшего будущего.

⁷⁶ Имеется в виду популярный словарь греческой и римской мифологии Рошера: Roscher W. H. D. Ausführlisches Lexicon der griechischen und roemischen Mythologie. 1884–1937. Bd. I–VII, repr. 1965.

⁷⁷ Далее текст с другой страницы, совпадающий по смыслу и авторской пагинации (предыдущая с. 5, а следующая 6) с данным: Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

Трагедию нашей культуры в себе отразили творения Вячеслава Иванова: в них стоим мы у граней грядущей культуры; здесь именно: помрачается свет; «страж порога» встает; дух уныния соблазняет нас многоголосными песнями; «многоголосье соблазнов» развеяно заревом «цареградской мозаики»; Вячеслав Иванов, пленяющий нас сиренами звуков, есть вещий соблазн; мы ему говорим: трижды нет. Вячеслав Иванов трагичен и искренен в своей хитрой двуличности, и пока распевает личина его: «Мы золотом и кольцами тягучих Змей и Солнц облечены, священствуем, жрецы и ведуны» (31)⁷⁹, — его подлинный лик заявляет иронически: «Твоя душа глухонемая В дремучие поникла сны, Где бродят, заросли ломая, Желаний темных табуны» (32)⁸⁰, его личина ликует: «Мир — полно» (всходит Солнце) (33)⁸¹; его лик непосредственно, тут же грустит: «Тянусь я из дозора мертвой светлости моей» (34)⁸²; так, по мере того как подходит он к посвящению себя самим в открытые тайны, вместо вспышек восторга и радости, в нем самом помрачается свет и легчайшие образы огненосцев, летящих от «Кормчих Звезд» чрез «Прозрачность» эфиров становятся плотными ликами материальных соблазнов и табунами желаний; это все оттого, что летящие образы света суть искры в глазах, обусловленные приливом трагически взбунтовавшейся крови; а действия образов, обусловленные растерзанием глаз, суть путь к слепоте, т. е. роста материальной катаракты на собственно зрение; вся парабола утверждений, мистических теорем, созерцания новых путей есть иллюзия света: давление на зрачок назревающего катаракта; подлинный голос души, излетающий сквозь вещанья «сократика», вынужденного болезнью заняться игрою на лире, — этот подлинный голос души выявляет на стадии мистических прохождений к слепительной «Тайне», не путь посвящения в «свет», только путь нисхождения в тьму: «И душа, как сомнамбула, шла в полусне <...> И светоч тух» (35)⁸³; «все — только звук, только зов, мощь без выхода, воля в

⁷⁸ Оккультное понятие, означающее некий астральный образ, который открывается пробуждающему высшему зрению духовного ученика. См.: Штайнер Р. Как достигнуть познания высших миров. Ереван, 1990. — О своей встрече со «стражем порога» Белый писал в «Материале к биографии»: «...по всем данным сознания заключаю: встреча со Стражем порога у меня была. <...> В интимной лекции доктора встреча с порогом (с малым порогом) имеет 3 кульминационные точки: первая — встреча с ангельским существом и переживание смерти; <...> Второй акт порога доктор называет встречей со львом, как со страшной женщиной, которую нужно покорить, которая грозит гибелью. <...>

Третий момент порога доктор называет встречей с Драконом, когда появляется губящий враг <...>» (Белый А. Материал к биографии (интимный) // Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада. Минувшее. Вып. 9. С. 409). Кроме того, в воспоминаниях о Блоке Белый обозначил этапы духовного пути Блока в антропософской терминологии, ср. главы: «Предстояние первое перед порогом», «У второго порога» (Белый А. О Блоке).

⁷⁹ «Возрождение» (II, 290).

⁸⁰ «Ропот» (II, 370).

⁸¹ «Орфей растерзанный» (II, 804).

⁸² «Темница» (I, 807).

⁸³ «Из далей далеких... <Л. Ю. Бердяевой>» (II, 306).

неволе» (36)⁸⁴; «Вседневная измена, Вседневный новый стан: Безвыходного плена Блуждающий обман» (37)⁸⁵; так, по мере того, как подымается к небу «личина» поэта на крыльях искусственной, музыкальной риторики, опускается в темную бездну душа, долженствующая трагически испытать⁸⁶ смерть в себе всего ветхого, или смерти второй, безвоскресной она будет предана: «Возгрустил пустынный неба, Что ответный, отсветных лик — ах! лишь омутом Эреба Повторенный его двойник» (38)⁸⁷; этот лик слепительной, новой культуры, лик «Да» есть личина пуста и безбожна она: «Сей внемет дух, далече улетя, стоустому, безбожный, многобожью» (39)⁸⁸; «О мудрость, где же путь?» (40)⁸⁹. И — нет пути; оттого то все «да», т. е. зовы его ко всемирному синтезу, или усмешка скептически озаренного Критика о размышлениях Иванова, как о стремлении *«всех и все передавать»*, — осуществляют себя иной раз воистину трагическом и лишь поверхностно скептическом вдохе: *«С Протеем будь Протей, вторь каждой маске — маской, милей досужий люд своей забавить сказкой»* (41)⁹⁰. Но и скепсис здесь маска под «маской» утешительства; под всеми масками — ночь; «Не видит видящий мой взор» (42)⁹¹; и, обращаясь к Христу, вопиет этот слепнувший перед лицом всей культуры, как первый «слепец» среди фаланг, к ослеплению идущих: «Дай сердцу разгадать Твой Лик в Твоей Личине» (43)⁹²; и — не дано: «Качая мглой, встает Ничто»⁹³ (44).

Этот образ Ничто, выражающийся материально этапами уплотнения катарков на зрении, выражается в тайнах души, как тяжелое приближение *двойника*⁹⁴, или *Стража Порога («сквернейшего человека»* по Ницше).

В приближении *этого образа* — ужас подлинной драмы его мира мысли и лирики; ужас мира его и есть ужас вершин всей культуры, которым спасения нет, если они не очистятся; Вячеслав Иванов трагичен вершинной трагедией; вещь его: стоит он, как знаменье, пред вершинными, пред тончайшими, пред чистейшими устремлениями многих. И мы верим ему *не в его ореоле, а в нашем стоянии перед темой*, — в том стоянье, в котором он сам пред собой не сознается;

⁸⁴ «Сон Мелампа» (II, 299).

⁸⁵ «Кочевники Красоты» (I, 778).

⁸⁶ Далее следует текст на с. л. 5 об. (авторская нумерация л. 7).

⁸⁷ «Beethoveniana» (I, 779).

⁸⁸ «Кто выйдет в мир, как тихое дитя» (I, 785). В оригинале:

Чей внемет дух, далече улетя,
Стоустому, беспечный, многобожью.

⁸⁹ «Eritis sicut dei» («Кормчие звезды. Геспериды» — I, 574).

⁹⁰ «Переводчику» (I, 789). — В оригинале после слова «маской» стоит знак !

⁹¹ «Vates <А. Р. Минцловой>». (II, 312).

⁹² «Лицо <Д. С. Мережковскому>». (II, 265).

⁹³ «Путь в Эммаус» (II, 264).

⁹⁴ Речь идет о том, что в астральном мире у каждого человека есть его духовный двойник (Страж порога), который является человеку в различных формах. Таким двойником по отношению к Андрею Белому становится персонаж романа «Записки Чудака», выведенный под псевдонимом Леонид Ледяной. Астральный двойник Вячеслава Иванова, по всей видимости, — слепец (болеющий катарактой), не способный к видению в мире духовных сущностей, откуда возникает образ Эдипа, а затем образ слепого Фауста (см. ниже).

там где он утверждает, толкует, вещает и рассыпается вокруг нас свои пригоршни драгоценных камней, амулетов, таинственных гиратических знаков и золотых пентаграмм, мы не верим ему: *пентаграмма его* — *уплотнение его вещей болезни*; где она растворяется в тьме, где он робко нам плачется: («Ночь глухая, ночь немая, ночь слепая» (45)⁹⁵), там чувствуем мы: *Страж Порога* его не минует; созрела болезнь — *катаракт*; и мы верим, — его можно снять: Вячеслав Иванов в себе отражая болезнь всей культуры, — не умрет: *прозреет с культурой*.

Он — явление высшее: духи времени, а не духи народа на нем наложили печати «священной болезни»⁹⁶. А над «священной болезнью» смеяться нельзя надо вникнуть в причину ее. <...>

(31) СА. I ч. Speculum speculorum. Arcana.

(32) СА. I ч. Эрос. Стр. 195.

(33) «Прозр.». Стр. 137

(34) «Пр.». Стр. 144

(35) СА. I ч. Стр. 114

(36) СА. I ч. Стр. 104. Arcane.

(37) «Пр.». Стр. 90

(38) «Пр.». Стр. 92

(39) «Пр.». Стр. 106

(40) «К. З.». Стр. 112

(41) «Пр.». Стр. 90

(42) СА. I ч. Стр. 122

(43) СА. I ч. Стр. 58

(44) СА. I ч. Стр. 57

(45) СА. I часть

Что же случилось с младенцем?⁹⁷

Он — в собственных яслях, как в пасти огромного льва; он — не видит опасностей, подлинно угрожающих; видит «сны об опасностях», то есть символику; имажинация развернула пред ним длинный свиток путей; те пути — путешествие по загробному миру <?> тело бренного «Я»; те пути — начертания папируса «Книги мертвых».

Вот кажется: «Весело по цветоносной Гее я иду *неведомо* куда...»⁹⁸ И — где путь — вопрошает он Мудрость; что шепчут ему «Вячеславы Ивановы» —

⁹⁵ «Ожидание («Ночь немая, ночь глухая, ночь слепая...»)» (II, 371).

⁹⁶ Т. е. посвятельная болезнь.

⁹⁷ «Новорожденный младенец» — один из ключевых символических образов романа Белого «Записки Чудака». Согласно Штайнеру, это новорожденное высшее «Я» человека (Штайнер Р. Очерк тайноведения. Ереван, 1992).

⁹⁸ «Красота («Видю вас, божественные дали...»)» («Кормчие звезды». Порыв и грани — I, 517).

В оригинале:

*Радостно по цветоносной Гее
Я иду, не ведая — куда.*

тройки — его мудрые братья, все то навевает на душу какие-то смутные ужасы; и душа приникает к лозе придорожной; «что шепчется с ужасом»⁹⁹; волны миражей, навеянных ужасом (смутны сны долгой ночи), застигли в пути. Кто-то издали крикнет ему: «Стигмы Сфинкса!»¹⁰⁰ И на прекрасных терцинах поднимется издали Сфинкс.

Этот Кто-то всю ночь докучает младенцу, как пресловутое и-птити-птити-иптити бреда князя Андрея; протянется мыслеобразом, переплетаясь геральдикой знаков о Сердце и Солнце и воздвигают иглистые здания из риторики «Огненосиц», «Сибилл», и «Судов», преследуя в снах, как лесной, запевающий царь, протянувши ужасные руки: «Повынуты жеребии, суды напропорочены»¹⁰¹... «Иптити-птити-иптити» появляется Сам в окне старой готической башни в образе неттесгеймского мужа¹⁰² — над чашей: осаживать «яды» и «пути» миров — на дне чаши и поднимать алхимический вихрь, из пламени ядов кремнеют холмы. «В ночи, когда со звезд провидцы и поэты в кристаллы вечных форм низводят тонкий яд, их тайнодеянья сообщницы-планеты над миром спящим ворожат. И в дрожи тел слепых, и в ошупи объятий Животворящих сил бежит астральный ток, И новая душа из хаоса зачатий Пускает в старый мир росток. И новая Душа, прибоем поколений Подмывает обрывы Тайн, по знаку звездных Числ, В наследье творческом непонятых велений Родной разгадывает смысл. И в кельях брошенных отстоянные яды Преображают плоть, и претворяют в кровь»¹⁰³

⁹⁹ «Имени твоему» (I, 681).

¹⁰⁰ «Сфинкс» (I, 646). В оригинале: «“Вот Стигмы Сфинкса!” в радости зывали».

¹⁰¹ «Iris in iris» (II, 261).

¹⁰² Здесь и далее образ Агриппы Неттесгеймского, видного немецкого оккультиста, сопрягается с гетевским образом доктора Фауста. Такое соотнесение, по-видимому, не случайно: в мемуарной трилогии имя Агриппы возникает в связи с романом Валерия Брюсова «Огненный ангел», 6-я глава которой была посвящена встрече главного героя с Агриппой. Образ средневекового оккультиста в романе Брюсова совпадает с образом Фауста Гёте: «красный берет» и плащ, их неизменные атрибуты, появляются и у Белого в связи с его видениями «черного» мага, то в алом берете, то в красной мантии. Более того, эти видения четко маркированы ложно инициатическим комплексом (в противоположность им есть эпизоды с «истинным» посвящением, где фигурирует Штайнер), см.: «Материал к биографии (интимный)» и «Записки Чудака». Т. 1).

¹⁰³ «Subtile virus caelitem» («Cor Ardens». Кн. 2. Speculum speculorum. Arcana — II, 286). В оригинале:

В ночи, когда со звезд Провидцы и Поэты
В кристаллы вечных форм низводят тонкий яд,
Их тайнодеянья сообщницы — Планеты
Над миром спящим ворожат.

И в дрожи тел слепых, и в ошупи объятий
Животворящих сил бежит астральный ток,
И новая душа из хаоса зачатий
Пускает в старый мир росток.

И новая Душа, прибоем поколений
Подмывает обрывы Тайн, по знаку звездных Числ,
В наследье творческом непонятых велений
Родной разгадывает смысл.

И в кельях брошенных отстоянные яды
Преображают плоть, и претворяют в кровь...

и т. д. Это видение — марево: Сон о Клингзоре, укравшем Грааль¹⁰⁴ для кощунственных алхимических «опытов».

Так ребенок во сне видит мертвое «я» (в ком томится), как страшного Доктора в пламенной мантии; и — с чашей яда в руке, произносящего (*ипити-пители-ипити*) монологи над чашей о том, что «измлению» томной невесты подобно: прикосновению к чаше устами; сон становится ярче: осел *новый мир* в чаше с ядом из ясных, прозрачных кристаллов, — тот мир —

— где сонет, получивший законченность совершенства блистает законом *пеона второго* в опаловой мути *спондея*; и — отлагает зубцы существительных, где кентавр (прилагательное) протопочет у струйки расплавленной меди (глагола), текущей между гексагональными призмами и блистающим многогранником (*ипити-пители*) строит здание из сияющих палочек); где гранятся на *кретике* неба кристаллы, лиясь бледным трепетом (здание завалилось) —

— сон длится: пламенный Доктор поит его ядом из чаши, уж пятна в глазах (приливая отравленной кровью) плетут аллегории горельефной гирляндой золотощеких амуров *барокко*, сплетенных с небесными духами *style jesuite*, где все розы — розетки, которые (объясняет ему Доктор Фауст-Агриппа) суть: *образы розенкрейцерских тайн*. И — проходят капеллой; и Доктор в кроватке берет, склоняясь над ребенком, приподымает сухую десницу свою к горельефным гирляндам геральдики; и — объясняет младенцу: «Необходимый... сущего порядок...»¹⁰⁵ — «Се — явственны небес иерархии...»¹⁰⁶ — «Се — учит Мудрая познанию причин»¹⁰⁷. Это — *образы розенкрейцерских тайн*.

На столбах, или «славах надстолбий», великолепно изваяны *пять нерадивых дев* — *пять чувств*. Доктор Фауст-Иванов построил и сплел этот купол венком из сонетов, поставив его на столбе из мозаики, где *огненосицы жены на огненных конях низвергают стопламенность огневеинных пожаров*; поводит глазами, — и...

— великолепия пятен снялись; огненосицы, не могущие тронуться с места, сверкнувши спиралями искр, обусловленных приливами крови, рассыпались, точно горсть благородных стекляшек... — «*ипити-пители*» кончилось: бред пронесся...

¹⁰⁴ Антропософское учение объявляло себя наследником инициатической традиции Св. Грааля, в данном случае речь идет о «ложном» посвящении; метафорическая чаша Св. Грааля превращается в руках доктора Агриппы в чашу с ядом, а затем переходит в руки доктора Фауста. (О Граале в антропософской традиции см.: Штайнер Р. Из области духовного знания, или Антропософии / Сост., ред., коммент. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1997. С. 456–459; Прокофьев С. О. Духовные судьбы России и Грядущие мистерии Святого Грааля. М., 1995; Глухова Е. В. Неопубликованные рисунки Андрея Белого к «Глоссолалии»: Чаша Св. Грааля // Труды Русской антропологической школы. М., 2005. Вып. 3.)

¹⁰⁵ «Миры возможного» (I, 669).

¹⁰⁶ «Небо вверх — небо вниз» (II, 267.) В оригинале: «И явственны небес иерархии».

¹⁰⁷ «La Stanza della disputa» (I, 622). В оригинале: «Вот учит Мудрая “познанию причин”».

<...>

Верим мы: *Тайна сбудется*; и младенец пройдет на простор — за *ограду серых, мишистых плит*: за свою оболочку, которую трудно отбросить Ивановым-Фаустом; верю — «светлая нить» — песня ангелов в *ту пасхальную ночь*, когда Фауст хотел вкусить чашу с «*отстоянным ядом*»¹⁰⁸.

Слепота Вячеслава Иванова — чувства его! — есть стена из Лемуринов (процессов гниения зрачка): в своем собственном гробе возлег им рожденный «младенец», он — «куколка»; верим мы: из души — брэнной куклки — вылетит *бабочка* Аполлонова Света. Неудачная *эпифания* разрешится; и «яды» разлитые им по жилам «младенца», — «младенца» не тронут; это все — испытание: по просверленным коридорам — артериями кровеносной системы — сбежались Лемуры¹⁰⁹ в квадратную комнату: в грудь; и подступили они к саркофагу, — пробившему «самостно» сердцу.

Многообразие им написанных слов нам являют момент — прикосновение к Древней Тайне. Неопытным мистом, могущим сорвать преждевременно Покрывало Изида; и — пасть; обстановка душевно-духовного быта души его творчества, если снять с него Полог образов, [испещренных] явят нам: —

— пирамиду в песках (это — выперты органы чувств) и — пустотную комнату за «саркофагом», стоящем посередине ее; под саркофагом — коричнево цепенеет иссохшая мумия, положили папирус ей в ноги; и то — «Книга Мертвых»: повествование странствий Души по пространствам загробного мира; [и до — престола Озириса] имеем момент: Судию, предлагающего испытание, и за ним притаившегося *Крокодила*, готового по знаку судьбы растерзать обвиненного; это есть — *смерть вторая*: нежнейшие лепеты недоуменного детского духа встают в этом месте из лирики Вячеслава Иванова; и взорам Духа просвечены взоры души, [провалившейся в тьму]

Нищ и светел прохожу я и пою
Отдаю вам радость светлую мою¹¹⁰.

Верим... в Горуса, восстающего из потушенной сферы... спасти Озириса-Иванова [Тантала] в его странствии по лабиринту [идей] прославленной им «культуры», уже ужасающей в грохоте пушек и в реве народных стихий.

¹⁰⁸ Цитата из стихотворения Вяч. Иванова: «Subtile virus caelitum» (см. сноску 103).

¹⁰⁹ Белый обращается к одной из последних сцен «Фауста», где являются лемуры (бесы), чтобы погубить Фауста. Штайнером была осуществлена эвритмическая постановка сцены «вознесения Фауста» 15 августа 1915 г. Эта сцена для Белого была сопряжена с весьма личными переживаниями: «...я — умерший Фауст; толпа лемуринов меня обступила...» (Андрей Белый и антропософия. С. 448).

¹¹⁰ «Нищ и светел» (II, 382). Стихотворение цитируется неверно. В оригинале:

Нищ и светел, прохожу я и пою, —
Отдаю вам светлость щедрую мою.

«Ребенок» же — *душа новая*, погруженная в сны [сон своего истлевшего] полоненного «я» в виде *страшного Доктора* [Фауста (Иванова-Фауста: или Корнелия Агриппы из Неттесгейма (что — то же)] в ярко-пламенной мантии «с чашей яда» в руке, произносящего монолог над чашею (ипити-пити-ипити) [и воздвигает] в предвещах «новой души», преступающей в мир.

Сон становится ярче: [ребенку уже кажется, что и он] ребенок теперь уже в «башне» с таинственным [«ярко-пламенным»] Доктором в пламенной мантии: [сотворившем прекрасный блистающий] в чаше с ядом осел новый мир из прозрачных, [и непрозрачных] блестящих кристаллов: [где тот мир] тот мир, где сонет, получивший законченность совершенства <...>

Доктор Фауст-Агриппа-Иванов великолепно построил и сплел этот купол [чудесное зданье] «венком из сонетов»; <...>

Ребенок поводит глазами; великолепие пятен снялось, [пронеслось]: все недвижные огнесицы, не могущие тронуться с места, сверкнувши спиралями искр, обусловленных приливами крови [отравленной дионисическим ядом] — сверкнули, рассыпавшись точно горсть благородных [блестящих, холодных] стекляшек («питии-пити» кончилось — [ребенок очнулся: и «ипити» развалилось, — и старые, чудные] прежние песни возникли в душе: «В даль тихо плывущих чертогов / уводит светлая нить, — / что у тайных порогов сестра мне дала хранить <...> И рея в призраках кочует душа, чутка / к призывам сквозящих свиданий / за нитью живой мотка» (207)¹¹¹ — светлая нить, соединяющая все младенческое в Вячеславе Иванове с тайным порогом, откуда встают, из-за полога, лишь «сквозные свидания» с царствами Светлого Духа, — та светлая нить не оборвана: в глубине Вячеслава Иванова в нем «пламенный ребенок» (духовное «я»), может быть, проберется сквозь [призраки] марева зданий, воздвигнутых Вячеславом Ивановым, магом; эти «зданья» — лабиринты из умирающих [чувственных] органов зрения [бренного человека] где катаракт, слепота разрастается [пред ребенком тяжеловесною] храминой, по лабиринту бредет Вячеслав Иванов-младенец через [сквозь] себя самого: и — к Себе Самому, оглашая тяжелые своды словесной риторики «песнями из лабиринта». <...>

Воспоминание о *родной, нежной тайне* и свете «немеркнушем» есть *та светлая нить*, которая соединяет духовное «Я» с миром Духа в пустыне искания и в *лабиринтах* умершего «Я», оболочку которого очень трудно отбросить

¹¹¹ «В облаках» (II, 275). — Стихотворение цитируется неверно. В оригинале:

В даль тихо плывущих чертогов
Уводит светлая нить, —
Что у тайных порогов
Сестра мне дала хранить
<...>
И, рея в призраках зданий,
Кочует душа, чутка
К призывам сквозящих свиданий,
За нитью живой мотка.

Ивановым-Фаустом; эта *светлая нить* есть далекая песня летающих ангелов в [роковую] пасхальную ночь, когда Фауст хотел выпить чашу с «отстоянным ядом»... <?. > Слепота Вячеслава Иванова есть чувства <?. > из лемуров [тело умершего Фауста, перед которым столпились] лемуры («Лемуры» — процессы гниения органов чувств); в своем собственном организме, как в гробе лежит нам [тот духовный] младенец, к которому — верим мы — прилетят сонмы ангелов и отнесут точно куколку (209) [душу на родину Духа]; и где из Души — бренной куколочки вылетит «бабочка» [Аполлонова Света] Духа [и брызнет творения Вячеслава Иванова не абстрактным, а подлинным] светочем преображенного «Я».

(209) «Фауст» — в «кукольном» состоянии, принесенный на небо, отбитый у черта.

Письмо Андрея Белого — Вячеславу Иванову¹¹²

<сентябрь 1912>

Дорогой друг, глубоколюбимый!

Еще раз спасибо за приезд¹¹³. Телеграмму и письмо отправлю. Деньги отправляю на днях.

Пишу тебе под своим впечатлением первой лекции Доктора. Пишу не о лекции, а об одном обстоятельстве, меня поразившем особенно. Но излагаю факт, предоставляя тебе вывести заключение.

Доктор все время до лекции посматривал на нас с Асей с добродушно чуть-чуть лукавой улыбкой. Потом была вступительная лекция к курсу. Он говорил о том, что реинкарнации должно непременно рассматривать в связи с Христовым событием, что буддийское понимание реинкарнации неприменимо к нашей эпохе, оставаясь чрезмерно отвлеченным; это буддийское понимание идеи реинкарнации не вносит существенной и громадной поправки; эта поправка: <установление факта> *до Христа или после Христа*.

Христово событие радикально изменило <?>, так что великие исторические личности, с которыми мы знакомы в своих последующих (после Христа) инкарнациях, *абсолютно* являлись другими. Чтобы представить себе это конкретно, он дал два факта: реинкарнация Гектора (из «Илиады») и Эмпедокла в эпоху после Христа.

Сначала он обрисовал рельефно характер Гектора, сказавши, что Гектор Гомера есть личность действительно бывшая. При том Доктор повернулся ко

¹¹² ОР РГБ. Ф. 109. К. 12. Ед. хр. 29. Л. 63–66 об. — Это письмо можно датировать совершенно определенно сентябрем 1912 г., по упоминанию в нем цикла лекций Штайнера для членов антропософского общества «Евангелие от Марка»: согласно каталогу: «Rudolf Steiner. Katalog des Gesamtwerkes». Rudolf Steiner Verlag. Dornach, 1997. Das Markus-Evangelium. 10 vol. Basel, 15–24.09.1912 (Zyklus 24).

¹¹³ Вячеслав Иванов посетил Белого в сентябре 1912 г. в Базеле. См. сноску 11.

мне и, совершенно явно протягивая руку (не в мою сторону) *ко мне* дал понять, что слово о Гекторе относится ко мне. Потом он обрисовал личность Гамлета, сказавши, что Шекспир в художественной интуиции дал (портрет. — Е. Г.) точный психологически и анализ соответствующего исторического лица (все время глядя на меня). И тут сказал: *Гамлет* и есть *Гектор* в эпоху после Христа; художественное же творчество вполне точно проникает в *тайное* исторических лиц, отображаемых искусством. Далее он говорил о том, что Эмпедокл реинкарнировался в доктора Фауста, вполне точно в духе воспринятого Гёте. О докторе Фаусте надо учиться у Гёте, а не по историческим справкам, ибо Фауст истории не имеет ничего общего с Фаустом Гёте. То же о Гамлете (опять жест руки ко мне и взгляд на меня как бы говорящий: «Вот вам ответ»). Тут я недоумевал, почему Гектор-Гамлет-Шекспир относится ко мне.

Ася после лекции напомнила.

Ведь это Ты поставил вопрос об отношении художественного отображения истор. [ических] лиц и исторических документов и о том, что в числе теоретических вопросов Ты предложил бы Доктору вопрос о Гамлете: об отношении шекспировского Гамлета к исторической личности.

Только после лекции я все это понял. Совершенно ясно, что Доктор ответил Тебе, а глядел на меня для того, чтобы я это понял, для чего он в лекции о Ев. От Марка так пространно говорил о Гамлете и передал бы Гёте.

В этом уверен.

Доктор начнет приемы, постараюсь попасть к нему дней через 5–6. Тогда напишу подробнее. Пока же целую Тебя и Христос с тобою.

Вере Константиновне¹¹⁴ наш горячий привет. Лиду¹¹⁵ и Марию Михайловну¹¹⁶ приветствуй. Остаюсь любящий Тебя Борис Бугаев.

Р. S. Все-таки жаль, что ты уехал¹¹⁷.

Позволю маленькую поправку к письму: говоря о Фаусте Гёте, историческом докторе Фаусте и Эмпедокле следует подчеркнуть слова Доктора: *«В историческом Фаусте мы имеем душу Эмпедокла. Гёте переиначил своего Фауста. В Фаусте Гёте отразился Эмпедокл»*¹¹⁸. Почему же, является вопрос, исторический доктор Фауст не отразил в себе Эмпедокла? Потому что Христово событие как раз в сильнейших и рельефнейших личностях истории подействовало так, что сила их, цельность их предстала как слабость и не могла про-

¹¹⁴ Вера Константиновна Шварсалон (1890–1920) — дочь Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал от первого брака, третья супруга Вячеслава Иванова.

¹¹⁵ Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) — дочь Вячеслава Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

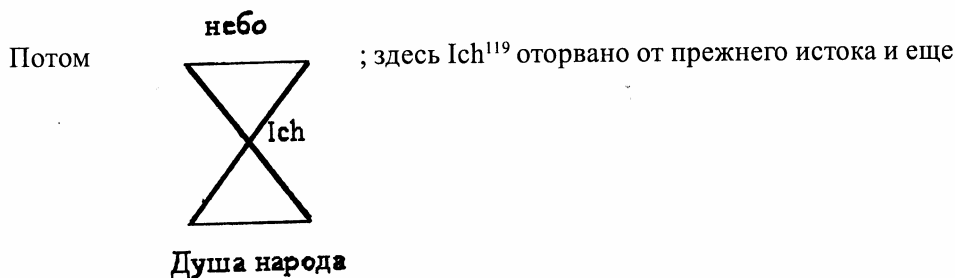
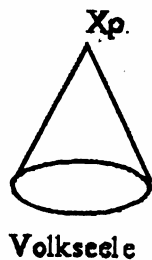
¹¹⁶ Мария Михайловна Замятнина (1865–1919) — ближайший друг и домоправительница семьи Ивановых.

¹¹⁷ Далее подряд следует текст (л. 65–66 об.), по-видимому, прилагавшийся к данному письму, однако написанный на другой (более тонкой) бумаге.

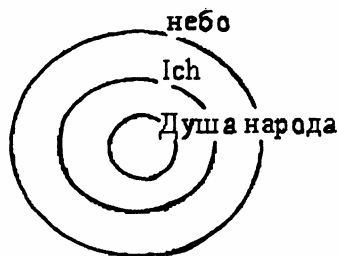
¹¹⁸ Любопытно, что позднее в своих воспоминаниях «О Блоке» Белый упомянет Эмпедокла и Фауста рядом (см.: *Белый А. О Блоке...* С. 108).

явиться, потенциально таясь в душе. Христово Событие оторвало их от Volkseele, но еще не пронизало до глубины их глубин; и вот: слабый в проявлении Гамлет; и сравнительно с Эмпедоклом незначительный доктор Фауст. В будущем Гамлет (в будущ. [их] инкарнациях) разовьется в силу, небывалую даже у Гектора, ибо точка приложения силы изменится.

Вот как шло до Христа:

Не накопилось Христовым событием; будет же

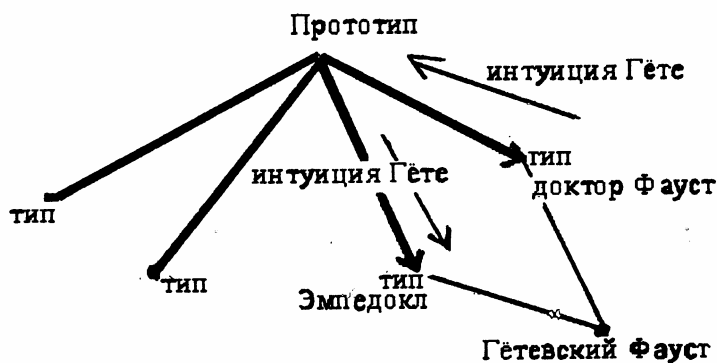

В каждой высокой индивидуальности всецело будет носима *вся душа народа*. Почему же Гёте все же вопреки историческому выявлению доктора Фауста в своем Фаусте все же правее истории. Потому, что Гёте гений и за (сквозь — зачеркнуто. — Е. Г.) личностью, типом доктора XVI века интуитивно различил

¹¹⁹ Нем. «Я», одновременно аббревиатура Иисус Христос.

прототип. Сила гения: в изображаемой исторической личности [возрости] до прототипа т. е. до неизменного ядра личности, проходящего сквозь все инкарнации. Но раз от данной инкарнации личности возойдешь к прототипу, то невольно с высоты прототипических черт заглядываешь попутно и в прошлые инкарнации личности. Так Гёте не только доплеснулся до прототипа доктора Фауста, но и *переплеснулся* в одну из инкарнаций Фауста, в Эмпедокла. И в Гётевском Фаусте подчас сквозит Эмпедокл, а в проявлениях исторического Фауста *нет* Эмпедокла.

Гёте вопреки историческим данным дал верного Фауста — Фауста-Эмпедокла, этот последний спал еще в докторе Фаусте; он оживет в будущем воплощении этого доктора:

Видишь, как сложно.

Эта теория об отношении творчества к прототипам и типам в связи с инкарнациями — *гениальна*.

Еще черточка: почему Фауст связался с демоническими силами и с духами элементов? Тут есть прошлое: к этому его нудила в нем бессознательно жившая память об Эмпедокле; но Эмпедокл в Фаусте не просветился еще насквозь *Христовым событием*; и тянул Фауста к демонизму *стихий*. Ведь Эмпедокл внятно заговорил о четырех стихиях, о любви и ненависти друг к другу стихий. Говоря о стихиях, он проникся стихиями: говоря о тяготении стихии друг к другу — сам потянулся к стихии, к огню, и бросился в Этно — сгореть, соединиться *со стихией огня*. И *связался с огнем*. Эта связь с огнем в будущем обернулась для него, как связь *роковая*: кармой его явился союз с демоническими силами стихий (Фауст). Но духовным же огнем освобождается же Фауст от грозящего ему адского пламени (реминисценция и лейтмотив Этны).

Что за красота?

Первые 3 лекции Ев. От Марка сплошь потрясают, вопиют, взыскивают, глаголют.

Ну Христос с Тобою.

(опубликовано в:
Башия Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006)